

Владимир Левин

Смоленщина: границы и пограничье

Если выпало в Империи родиться...

Иосиф Бродский

Возникшие в результате войн и договоров границы между государствами, как и административные регионы, сконструированные для эффективного управления, со временем начинают восприниматься как естественные, извечные^{*}. Смоленская область Российской Федерации, экспедиции в которую посвящен этот сборник, была создана в 1937 году, а ее нынешние границы были установлены лишь в 1944 году. Однако именно в этих границах она воспринимается сегодня как Смоленщина – регион, тяготеющий к городу Смоленску¹. В исторической перспективе топоним «Смоленщина» применялся ко всем административно-территориальным образованиям, центром которых был Смоленск, несмотря на то, что в разные исторические периоды их границы менялись, и в ре-

зультате этим топонимом назывались разные территории.

Различные границы – как «реальные» (между государствами или административными образованиями), так и «воображаемые» (между культурно-историческими регионами) – являются частью ментальных карт, то есть созданных человеком изображений окружающего пространства (о ментальных картах см., например: [Шенк 2001]). Ментальные карты не являются универсальными; они отражают восприятие географии различными группами людей и, соответственно, различаются у представителей этих групп. В этой статье мы попробуем очертить, каким был смоленский регион на ментальных картах восточноевропейских евреев.

До конца XVIII века этот регион был пограничьем между – говоря условно – Россией и Речью Посполитой. Под «Россией» мы в данном случае понимаем Московское/Русское Царство и Российскую империю, а под «Речью Посполитой» – союзное государство Королевства Польского и Великого Княжества Литовского. Именно Литве принадлежал город Смоленск в 1404–1514 и в

^{*} Я благодарен Аркадию Зельцеру, Виктории Герасимовой и Клэр Ле Фолль за критику и полезные советы по улучшению этой статьи.

¹ См., например, соответствующую статью в «Википедии»: https://ru.wikipedia.org/wiki/Смоленская_область. Просмотрено 27 ноября 2017 г.

Карта Смоленской губернии 1857 г.: из Памятной книжки Смоленской губернии на 1857 г.

1611–1654 годах. Наиболее важная для данной статьи граница между Россией и Речью Посполитой была установлена Андрусовским перемирием в 1667 году и закреплена «вечным миром» 1686 года.

На еврейской ментальной карте граница между Россией и Речью Посполитой была границей между двумя мирами. В Речи Посполитой евреи начали селиться в Средние века, а на ее восточных окраинах (Витебск, Могилев, Мстиславль) – с XVI века. Почти в каждом польском и литовском го-

роде существовала многолюдная еврейская община, присутствие евреев было не менее ощутимо и в сельской местности. В сложившейся системе этноконфессионального разделения экономических функций евреи занимали особую нишу «посредников» между помещиками и их крестьянами (в качестве арендаторов) и между деревней и городом (в качестве торговцев).

В России до 1772 года поселение евреев было полностью запрещено. Даже в те периоды, когда этот запрет не соблюдался строго, количество ев-

реев здесь было минимальным (о евреях в России до 1772 года см.: [Калик 2010; Gruber; Герасимова 2013, 77–97]). Таким образом, граница между Речью Посполитой и Россией была границей между заселенным евреями миром и миром, в котором евреев нет, миром, в котором существовала «еврейская инфраструктура» в экономическом, политическом, религиозном и культурном смысле, и миром, в которой ее не было.

Неудивительно, что отдельные евреи или группы евреев постоянно пытались пересечь эту границу. В России ниша для экономической деятельности евреев – откупы, аренда, торговля – не была занята, а отсутствие общинных еврейских структур уменьшало контроль над жизнью каждого отдельного еврея и степень его зависимости от кагала, а также, весьма вероятно, избавляло его от общинного налогообложения. В то же время возрастали личные риски: одной из важных функций общины была защита ее членов от нееврейских властей и окружающего населения, и те евреи, которые оказывались на российской территории, должны были самостоятельно справляться с новой ситуацией.

Евреев, которые старались обосноваться в приграничных районах России в XVII и XVIII веках, можно определить термином «евреи фронта»². Согласно дефиниции Фредерика Тёрнера, «фронт» – это зона (в отличие от «границы», представляющей собой линию) «свободных земель», которая осваивалась поселенцами и постепенно перемещалась [Тёрнер 2009]. На еврейской ментальной карте российская территория за рубежами Речи Посполитой явно была зоной, которую евреи стремились осваивать. В нашем случае невозможно говорить о «постепенном перемещении», потому что граница между Россией и Речью Посполитой качественно отличалась от границы между североамериканскими штатами и индейскими племенами, однако на индивидуальном уровне такое «перемещение» имело место. Например, Борох Лейбов – наиболее известная и яркая фигура «еврейского колониста» в России – начинал

в 1722 году с аренды откупа налогов и таможенных пошлин в селе Зверовичи Смоленской губернии, где даже построил синагогу, в 1725–1727 годах он держал в откупе «смоленские таможенные и кабацкие сборы», а в 1730-х находился по делам то в Смоленске, то в Москве, то в Санкт-Петербурге. При этом его постоянной базой было местечко Дубровно, находившееся недалеко от границы на территории Великого Княжества Литовского [Маркон 1910; Герасимова 2012].

Джон ЛеДонн, опираясь на работы Оуэна Латимора об отношениях Китайской империи и северных кочевников, развил геополитическую теорию, в которой «фронт» – это «последовательность зон», находящихся на различном расстоянии от «центра». Экспансия и захват одной из зон «внешнего фронта» превращает ее во «внутренний фронт», который продолжает существенно отличаться от «центра» на протяжении долгого времени [LeDonne 1997, 6]. Эта теория вполне может быть применена к еврейской ментальной географии Смоленщины и смежных с ней областей Великого Княжества Литовского, по крайней мере в том виде, как она (география) отразилась во внутриеврейском административном делении.

Еврейские общины Великого Княжества Литовского были объединены в надобщинную организацию, известную как Ваад Мединат Литва. Сохранившийся пинкас Ваада начинается в 1623 году [Dubnov 1925]. Однако в нем упоминается «старый пинкас», и это (в сочетании с данными других документов) позволило Исраэлю Гальперну предположить, что Ваад был создан еще в 1560-х годах [Halpern 1968]. Административная структура Ваада состояла из главных общин (сначала трех: Бреста, Пинска, Гродно, в 1652 году к ним добавились Вильна и в 1691-м – Слуцк), от которых зависели остальные общины. Так как подчинение главным городам значило в реальности перемещение непропорционального налогового бремени на зависимые общины, то многие общины стремились к переходу в прямое подчинение к Вааду. В 1626 году общины Самогитии (русск. *Жмудь*, лит. *Жемайттия*, идиш. *Замет*) сформировали независимый округ в составе литовского Ваада, а в 1631 году то же самое сделали общины Витебска и Мстиславля. Витебско-Мстиславский округ («медина»

² Этот термин образован по аналогии с термином «портовые евреи» (Port Jews), введенным в оборот Луиз Дубин и Дэвидом Соркиным [Dubin 1999; Sorkin 1999]. См. также: [Cesarani, Romain 2006; Monaco 2009].

Смоленскъ
Еврейская синагога на Кадетской ул.

Синагога в Смоленске.
Открытка начала
XX в.

на иврите) стал называться «Русь», «Русия» или «Райсен» (Рейсн)³ и просуществовал до отмены Ваада властями Речи Посполитой в 1764 году (о Райсене на еврейской ментальной карте Литвы см. [Levin, Staliūnas 2016]). Название этого округа отражало нееврейское название региона – Русь (или Белая Русь) – и первоначально он более или менее совпадал с территорией Белоруссии, как она воспринималась в Великом Княжестве Литовском. Области современной центральной и западной Беларуси – Минск, Новогрудок, Гродно, Брест, Пинск – считались до середины XIX века Литвой (*Lithuania Propria*) как в общем, так и в еврейском дискурсе (о возникновении понятия «Белоруссия» и его историческом развитии см. [Łatyszonek 2006; Бель 2000; Воронин 2012]).

По своему внутреннему устройству минагат Русь/Русия/Райсен существенно отличалась от других областей, входивших в литовский Ваад. Дэвид Фишман отметил, что Райсен выделялся среди других областей литовского Ваада строгой централизацией и громадной административной властью, которой располагал главный раввин региона. В Райсене не было ни авторитетных раввинов (за исключением Шклова), ни иешив, ни еврейских типографий [Fishman 1995, 3]. Даже диалект, на котором говорили евреи Райсена, отличался от литовского идиша и включал много славянских (а позже и русских) слов⁴. Таким образом, Райсен в XVII – первой половине XVIII века вполне можно считать «внутренним фронтиром» польско-литовского еврейства – территорией, которая не воспринималась и не являлась частью еврейского «центра».

Обсуждаемая территория была «фронтиром» и в нееврейской ментальной географии. В 1772 году, по первому разделу Речи Посполитой, восточные области Великого Княжества Литовского, называемые «Белоруссия», были аннексированы Россией. В административном делении России эти земли

стали Могилевской и Полоцкой губерниями (последняя в 1802 году была переименована в Витебскую). Раздел 1772 года положил начало уничтожению Польско-Литовского государства. В результате второго и третьего разделов в 1793 и 1795 годах оно перестало существовать, и большая часть территории Великого Княжества Литовского перешла под власть Российской империи. Однако бывшие литовские земли продолжали отличаться от губерний центральной России. Они воспринимались как Северо-Западный край, который требовал к себе особого подхода. В отличие от «внутренней России», большая часть дворянства в крае была – согласно современной номенклатуре национальностей – поляками, около половины населения городов составляли евреи, а крестьяне были белорусами, литовцами и латышами (латгальцами).

Таким образом, вплоть до революции 1917 года Северо-Западный (как и весь Западный) край оставался «внутренним фронтиром» Российской империи, так и не ставшим частью русского «центра». Управление Северо-Западным краем всегда отличалось от управления «внутренними губерниями»⁵. Например, создание в 1823 году особого генерал-губернаторства, объединявшего Витебскую и Могилевскую губернии с «великорусской» Смоленской губернией, оказалось не самым удачным решением, и в 1856 г. Витебское, Могилевское и Смоленское генерал-губернаторство было упразднено (об институте генерал-губернаторов см. [LeDonne 2001; Мацюзато 2004]). Другой пример такого различия – отсутствие в Северо-Западном крае института земства, который не был здесь введен в 1864 году, когда земства создавались в «центральной» России. Местное самоуправление было организовано в 1911 году только в Витебской, Минской и Могилевской губерниях, причем по особому закону, существенно ограничивавшему участие в земстве польских землевладельцев (о введении земства в западных губерниях см. [Ascher 2001, 330–62; Chmielewski 1970, 82–110; Shlapentokh 1999; Weeks 1996, 131–51; Аврех 1966, 93–97; Аврех 1968, 92–107; Аврех

³ По мнению Александра Бейдера, название «Райсен» происходит от немецкого топонима Reußen [Beider 2012, 459]. Изначально этот топоним применялся для обозначения Червонной Руси в Польском королевстве, а позже был перенесен также на Белую Русь в Великом Княжестве Литовском.

⁴ См., например: [Ben-David 1892]. Я благодарен Дрору Сегеву за указание на этот источник.

⁵ Существует обширная историография об имперской политике в Западном крае. См., например: [Thaden 1984; Weeks 1996; Staliūnas 2007; Долбилов, Миллер 2007; Миллер 2008; Долбилов 2010].

1991, 159–79; Дякин 1978, 200–27]). Одной из отличительных характеристик Северо-Запада, как и всего Западного края, было большое число еврейских жителей.

И действительно, с еврейской точки зрения, Северо-Западный край (Витебская, Могилевская, Минская, Виленская, Гродненская и Ковенская губернии) был частью «черты оседлости», включавшей также Юго-Западный край (Киевская, Волынская и Подольская губернии), Черниговскую и Полтавскую губернии на левом берегу Днепра и Новороссию (Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую и Бессарабскую губернии); Царство Польское формально не было частью «черты», но евреи могли там селиться без помех. Ограничение на передвижение евреев (сам термин «черта постоянной еврейской оседлости» появился гораздо позже⁶) было введено указом Екатерины II от 23 декабря 1791 года. В нем говорилось, что «евреи не имеют никакого права записываться в купечество во внутренние Российские города и порты, а только <...> дозволено им пользоваться правом гражданства и мещанства в Белоруссии» [Леванда 1874, 36–37]. В конце XVIII века такое ограничение не было чем-то исключительным – абсолютное большинство российских подданных не могли свободно перемещаться и менять место жительства⁷. Однако в течение XIX века черта начала серьезно ограничивать мобильность и стала одной из самых главных антиеврейских мер, существовавших в Российской империи. На территории черты громадное количество евреев конкурировало между собой в одних и тех же отраслях экономики, результатом чего были низкие доходы и бедность. Особенно тяжелым было положение в Северо-Западном крае – одном из наиболее экономически отсталых регионов России.

⁶ Выражения «черта, назначенная для постоянного жительства евреев» и «черта общей оседлости евреев» появляются в Положении о евреях от 13 апреля 1835 года [Леванда 1874, 361].

⁷ Это обстоятельство начали подчеркивать еще дореволюционные еврейские историки в рамках борьбы за равноправие евреев. См., например: [Гессен 1910, 592; Гессен 1993 [1925], 79]. Ричард Пайпс обратил внимание на то, что позволение евреям беспрепятственно перемещаться по территории Белорусских губерний являлось привилегией, а не ограничением [Pipes 1975].

Вне черты оседлости, напротив, экономические перспективы были многообещающими. В царствование Николая I только евреи-солдаты могли легально находиться во «внутренних» губерниях, но в результате «селективной интеграции» при Александре II (конец 1850-х – 1860-е годы) возможность селиться вне черты была дана евреям-купцам первой гильдии, евреям с высшим образованием, дипломированным ремесленникам и «николаевским» солдатам [Натанс 2007]. Однако количество евреев «за чертой» было незначительным (в 1897 году – только шесть процентов российских евреев жили вне черты), на традиционные еврейские профессии – ремесло и торговлю – был большой спрос, а конкуренция была низкой. Согласно переписи 1897 года, в Смоленской губернии проживало всего 11 185 евреев, то есть 0,7% от полутора миллионов жителей [Клинчин 1917, 66], в то время как в Могилевской и Витебской губерниях доля евреев в общем населении составляла около 12% (204 и 176 тыс. человек соответственно). В Смоленске евреи составляли 9% от населения города (4 241 человек), а в Рославле – 6% (1 145 человек) [Тройницкий 1904, 83], тогда как еврейское население городов и местечек Могилевской и Витебской губерний составляло 53% и 52% соответственно.

Таким образом, путь «за черту» был заманчивым и сулящим достойное существование. Смоленская губерния, как и другие «внутренние» губернии, примыкавшие к черте, были особо привлекательны для еврейской иммиграции – они находились недалеко от родных мест и позволяли не порывать связи с привычным окружением (о евреях в Смоленской губернии до революции см. [Рывкин 1910; Левитин 2010]). Переезд в губернии рядом с чертой являлся миграцией на короткие расстояния (в отличие от миграции в другой регион империи, за границу или за океан), но тем не менее позволял существенно улучшить уровень жизни мигрантов.

Граница между чертой оседлости/Западным краем (с одной стороны) и «внутренними губерниями» (с другой) существовала не только на еврейской ментальной карте. Ее ощущали также и другие этнические группы: например, поляки, которые были ограничены в различных правах в западных губерниях. Для чиновника польского

Семья Арье-Лейба Слуцкого в Кричеве в 1897 г. А.-Л. Слуцкин родился в местечке Петровичи в 1850 г. Отца его звали Арье; он родился после смерти отца и был назван в его честь, женился на Фруме-Гише, дочери Иехезкеля Баевского, купца из города Кричев. В 1898 г. уехал с семьей в Эрец-Исраэль и поселился в Яффо (фото из личного архива Э. Слуцкого)

происхождения переезд во «внутренние губернии» был актом, схожим с еврейской миграцией, – в Западном крае его продвижение по службе было ограничено, в то время как на новом месте он мог надеяться на полноценную карьеру.

Несмотря на то, что граница между чертой оседлости/Северо-Западным краем и «великорусскими» или «внутренними» губерниями была очень четкой, в некоторых сферах она ощущалась не так явно. Например, строители железных дорог не принимали во внимание административные границы губерний, так что железная дорога, которой было бы удобно пользоваться жителям восточных регионов Могилевской губернии, прошла

в 1870 году по Смоленской губернии⁸. Когда в 1877 году юный Семен Дубнов (1860–1941) отправился из своего родного города Мстиславля Могилевской губернии в Вильну, он доехал на еврейском извозчике до Починка (Смоленская губ.), там сел на поезд до Смоленска, а из Смоленска уже добирался на поезде в Вильну через Минск [Дубнов

⁸ О железной дороге как социальном феномене см. [Шенк 2016]. В данном контексте интересно замечание Шенка: «Авторы <...> карт рельсовой сети представляли Россию как единообразно структурированное транспортное пространство, в котором внутренние географические и административные границы не играли никакой роли» [Там же, 493].

1934, 72–73]. На следующий год Дубнов отправился в Динабург Витебской губернии (Двинск, ныне Даугавпилс в Латвии), и ему снова пришлось ехать на извозчике до Починка, чтобы сесть на поезд до Смоленска, откуда поездом через Витебск он смог добраться до Динабурга [Дубнов 1934, 80]. Таким образом, перемещения внутри черты оседлости проходили через железнодорожные станции вне ее.

В начале XX века ситуация не изменилась. По воспоминаниям Евгения Свентицкого (1891–после 1965) о городе Чериков (Могилевская губ.), ближайшей к Черикову станцией железной дороги был Рославль (Смоленская губ.). Расстояние в 110 км от Черикова до Рославля дилижанс преодолевал за 12–13 часов [Свентицкий 1964, 70]. В 1907–1909 гг. владеец дилижансных линий из Черикова пустил по этому маршруту автобус, который доезжал до Рославля за три часа [Свентицкий 1964, 72, 86]⁹.

Смоленск был не только важным транспортным центром для жителей восточных регионов Могилевской губернии, он был и культурно-образовательным центром. Дубнов жил в Смоленске в 1879–1880 гг. для подготовки к экзамену за гимназический курс [Дубнов 1934, 87–98]. В эти же годы в Смоленске готовился к поступлению в гимназию родственник другого еврейского историка (Шауля Гинзбурга) Иона Берхин (1865–1889) из Кричева (Могилевская губ.), расположенного в 35 км от Мстиславля и 28 км от Черикова [Valdman 2016, 171] (специально о Берхине см. [Valdman 2017]). Почти 30 лет спустя, в начале XX века, в Смоленске учился Эль Лисицкий, семья которого проживала в это время в Витебске [Lissitzky-Kürpers 1980, 11]. Так что совершенно очевидно, что Смоленск предоставлял такие возможности, которых не могли предоставить губернские города Могилев и Витебск, хотя Могилев был похож на Смоленск по количеству жителей (47 тыс. в Смоленске и 43 тыс. в Могилеве, согласно переписи 1897 года). Витебск был гораздо больше – 66 ты-

сяч жителей в 1897 году, однако у Смоленска было важное преимущество. Он находился вне черты оседлости, и переезд в него был как бы шагом, ведущим к переезду в следующий большой русский город – Москву (хотя Дубнов и Берхин продолжали обучение в черте, а Лисицкий уехал за границу).

Тесная взаимосвязь Смоленска с восточными областями черты оседлости видна и в еврейской ментальной географии. Для живших вдалеке от обсуждаемого региона евреев Смоленск был частью «большой еврейской Литвы», которая включала в себя Райсен, Замет и непосредственно Литву (*Lithuania Propria*)¹⁰ (для белорусских националистов Смоленск был также частью белорусской национальной территории¹¹). Однако так его могли видеть только евреи из далеких регионов, где Литва представлялась одним целым. Как говорилось выше, для евреев Литвы ее восточные области однозначно воспринимались как отдельная территория – Райсен. Райсен был округом в составе Литовского Ваада и имел свой собственный окружной Ваад. Так называемый Ваад мединат Райсен, как и все другие ваады, был распущен правительством Речи Посполитой в 1764 году. Однако, по наблюдению Фишмана, после аннексии этого региона Российской империей в 1772 году он возродился в виде «губернских кагалов» в Могилевской и Полоцкой губерниях и просуществовал до конца 1790-х годов [Fishman 1995, 11–21] (о присоединении территорий с еврейским населением к Российской империи см. [Анищенко 1998; Клиер 2000]). Именно в это время, когда Могилевская и Полоцкая губернии были отрезаны государственной границей от остальной территории Великого Княжества Литовского, евреи начали применять топоним «Райсен» для обозначения всей территории, которая перешла под власть России. С востока территория Райсена ограничивалась бывшей русско-литовской границей 1667 года (которая позже превратилась в гра-

⁹ В Черикове считали, что владеец дилижансов подкупил проектировщиков железной дороги, чтобы она не проходила через Чериков. См. [Максименко 2010, 56]. Тема подкупа строителей железной дороги является распространенным сюжетом, объясняющим, почему железнодорожная линия не прошла через тот или иной населенный пункт.

¹⁰ Например, украинский раввин Моше Нахум Иерусалимский упоминал Смоленск как часть Литвы в репсонсе 1890 г. (מחוז ליטא עיר סמאליענסק) [Yerusalimsky 2003, 303].

¹¹ О различных подходах к определению белорусской национальной территории и о ее картах см. классический труд Николаса Вакара [Vakar 1956, 5–16].

Базарная площадь в Любавичах (из коллекции МАЭ РАН (Кунсткамера), фотография И.М. Пульнера, 1930 г.)

ницу черты оседлости), а с запада – новой границей 1772 года. Таким образом, Райсен конца XVIII века расширился и включил в себя Полоцк, который в структуре литовского Ваада не был частью мединат Райсен [Levin, Staliūnas 2016, 332].

В результате второго и третьего раздела Речи Посполитой исчезла эта четко обозначенная западная граница Райсена, и так стали называть не только Полоцкую/Витебскую и Могилевскую губернии, но и восточные области Минской губернии, приблизительно до реки Березины [Там же 2016, 330–38].

Весьма вероятно, что расширение территории, обозначаемой топонимом «Райсен», было связано с восприятием Райсена как области, в которой доминантное место занял Хабад – течение в хасидизме, созданное р. Шнеур-Залманом из Ляд. При

жизни р. Шнеур-Залмана (1745–1812) центр Хабада находился в Лиозно Витебской губернии, потом в Лядах Могилевской губернии, а при его сыне и наследнике р. Дов-Бере (1773–1827) резиденцией цади́ков стало местечко Любавичи Могилевской губернии. После смерти третьего цади́ка, р. Менахем-Менделя Шнеерсона (1789–1866), династия раскололась на несколько соперничающих дворов (Любавичи, Копысь, Ляды), однако в начале XX века боковые ветви династии Шнеерсонов исчезли, и сегодня это направление хасидизма известно как Хабад-Любавич (об истории Хабада в XIX веке см. [Lurie 2006; Lurie 2009]). Во многих источниках хасиды Хабада назывались «хасидей Райсен», причем этот топоним использовался для обозначения территорий Белоруссии и даже северо-восточной

Хава (Ева) Гуткина, 1890-е гг. Рославль (из личного архива В.Е. Кельнера)

Залман Гуткин, 1890-е гг. Рославль (из личного архива В.Е. Кельнера)

Украины, на которых влияние Хабада было существенным [Levin, Staliūnas 2016, 333–35]¹².

Однако отождествление топонима Райсен и территории распространения Хабада не было однозначным. Хасиды Хабада составляли в лучшем случае половину еврейского населения региона, если судить по наличию в каждом местечке как минимум одной хабадской и одной нехабадской синагоги¹³. Остальные евреи Витебской и

Могилевской губерний принадлежали к нехасидскому течению в иудаизме (в хасидских источниках их именуют «митнагим», «противниками»; сегодня это течение принято называть «литовским», а в XIX веке синагоги этого течения зачастую назывались «ашкеназскими», потому что в них молились согласно нусаху ашкеназ, в то время как хасиды молятся согласно нусаху сфарад). Например, «митнагим» из Витебской и Могилевской губерний были объединены в Иерусалиме в «Колель Райсен»¹⁴, в то время как у Хабада был свой отдельный колель [Там же 2016, 324, 335].

¹² О восприятии Хабиадом других хасидов как «польских» см. Raroport-Albert, Sagiv 2016.

¹³ Так, Витебский, Могилевский и Смоленский генерал-губернатор доносил в Министерство внутренних дел в 1853 году, что «хасиды преимущественно наполняют г. Витебск, уезды Лепельский, Городецкий, Невельский, Суражский и Дрисский, а в Могилевской губернии: Копысский, Оршанский, Сеннинский, Гомельский, Рогачёвский и Чаусовский; в прочих местах губернии

хасиды не составляют большинства». [Я.И. [Яков Израельсон] 1914, 100].

¹⁴ Колель – система финансовой поддержки евреев, живущих в Палестине, которая состоит из организации по сбору средств в странах диаспоры и организации по

Восточная граница черты оседлости, отделявшая ее от «внутренней России», исчезла после отмены всех антиеврейских ограничений Временным правительством в марте 1917 года. В результате создания нового территориально-административного деления в Советском Союзе части бывшей черты оказались административно объединенными с «великорусскими» территориями. В 1918–1926 годах границы между губерниями постоянно перекраивались. Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР) была создана в 1919 году, однако Витебская и Могилевская губернии, как и новообразованная Гомельская губерния, оказались в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). В 1924 году большая часть Витебской и Могилевской губерний была передана в состав Белоруссии, а их восточные районы оказались в составе административных регионов, центры которых находились (и находятся) в великорусских городах Пскове, Смоленске и Орле. Например, в Смоленскую (в 1929–1937 годах – Западную) область вошли Велиж, Усвят и Ильино, бывшие до революции местечками Витебской губернии¹⁵, а также Рудня, Любавичи, Монастырщина, Хиславичи, Петровичи и Шумячи, бывшие местечками Могилевской губернии. В 1926 году в состав БССР вошла Гомельская губерния.

Отмена черты оседлости и переустройство административно-территориального деления в межвоенные годы практически уничтожили границу 1667 года во всех ее проявлениях. Однако Смоленщина осталась пограничным регионом, только на этот раз это была граница между РСФСР, куда входила Смоленская область, и Белоруссией в границах после 1924–1926 годов. Несмотря на сильную централизацию власти, свойственную СССР, национальные республики значительно различались. В Белоруссии в 1920–1930-е годы проводилась политика коренизации и белорусизации (о политике коренизации см. [Slezkine 1994; Martin 2001]), в то же время евреи рассматривались как одна из основных национально-

стей республики, а идиш с 1924 по 1938 годы был одним из четырех государственных языков (о евреях Советской Белоруссии см. [Зельцер 2003; Le Foll 2008; Бемпорад 2016; Sloin 2017]). В РСФСР всего этого не было. Таким образом, жизнь еврейского населения в местечках, оказавшихся на территории РСФСР, отличалась от жизни местечек в Белоруссии. Различие продолжало сохраняться и между территориями бывшей черты и «внутренней России». Несмотря на массовую миграцию межвоенного времени в Москву и другие советские города (к 1939 году число евреев в Смоленске увеличилось до 14 812, или 9% от всех жителей, а в Рославле – до 2 935 человек, то есть 7% [Altshuler 1993, 32]), в бывших местечках черты продолжало существовать большое еврейское население, которое в той или иной мере сохраняло традиционный образ жизни. В городах, которые до 1917 года находились вне черты (Смоленск, Рославль), и в которых евреев было значительно меньше, традиционный уклад жизни гораздо быстрее отступал перед советскими преобразованиями (о Смоленском регионе в межвоенный период см. [Fainsod 1959]; о евреях в регионе см. [Лызлова 2004]).

В период Холокоста евреи Белоруссии и Смоленской области пострадали в одинаковой мере – большая часть еврейского населения была расстреляна недалеко от мест своего проживания в 1941 году. Однако шансов на эвакуацию – то есть на спасение от неминуемой гибели – было больше у жителей тех местечек и городов, которые находились восточнее и, соответственно, были оккупированы немецкой армией позже, а также тех мест, через которые проходила железная дорога.

В послевоенный период разница между еврейским населением Белоруссии и Смоленской области, между территориями бывшей черты и «внутренней России» почти нивелировалась. И там, и там еврейское население состояло из тех, кто вернулся из эвакуации после войны; и там, и там евреи оставляли местечки и переезжали в города; и там, и там советская политика по отношению к евреям была одинаковой. Однако довоенная разница в числе евреев в крупных городах продолжала сохраняться. Согласно переписям 1959, 1970, 1979 и 1989 годов, количество еврейских жителей

распределению средств в Палестине. В 1840–1860-х годах колеи создавались по географическому признаку.
¹⁵ Усвят и Ильино позже были переданы в Псковскую и Тверскую области.

в Смоленске было намного меньше, чем в Витебске или Могилеве.

	1959	1970	1979	1989
Смоленск	3 929	3 662	3 223	2 645
Могилев	7 700	8 046	7 771	6 670
Витебск	-	17 343	9 328	8 139

После распада Советского Союза в 1991 году Смоленская область вновь стала пограничьем двух государств – Российской Федерации и Республики Беларусь. Небольшие еврейские общины по обе стороны границы оказались в разных условиях, хотя они все еще продолжают быть очень схожими и разделяют характеристики, типичные для советского еврейства.

Таким образом, территория, которая в XVII и XVIII веках находилась вне еврейской ойкумены или на самой ее окраине, в пограничье двух враждебных и очень разных государств, продолжала быть «фронтиром» и в так называемом долгом XIX веке, когда она полностью контролировалась Россией. Искусственное ограничение еврейской миграции во «внутреннюю Россию» сохранило границу 1667 года в виде границы черты оседлости. Эта граница окончательно стерлась только в результате советских преобразований в межвоенные годы и особенно в ходе массового уничтожения евреев во время Второй мировой войны. Однако в 1991 году вблизи нее возникла новая государственная граница. Каким будет влияние этой границы на евреев Смоленской области России и восточных регионов Беларуси, покажет будущее.

Литература

- Аврех 1966 – Аврех А.Я. Царизм и третьейинюньская система. М., 1966.
- Аврех 1968 – Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968.
- Аврех 1991 – Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.
- Анищенко 1998 – Анищенко Е.К. Черта оседлости. Минск, 1998.
- Белы 2000 – Белы А. Хроніка Беларускай Русі. Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Менск, 2000.
- Дзярновіч 2009 – Дзярновіч О. «Літва» і «Русь» XIII–XVI вв. як канцэпты беларускай гісторыяграфіі // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* / Петербургскія славянскія і балканскія даследаванні. 2009. № 1–2. С. 239–249.
- Бемпорад 2016 – Бемпорад Э. Превращение в советских евреев: Большевицкий эксперимент в Минске. М., 2016.
- Воронин 2012 – Воронин В. Река Березина как граница между Русью и Литвой (К истории географических представлений в Восточной Европе) // *Belhist.ru*: Новости и история Беларуси. (<http://belhist.ru/2012/11/vasilij-voronin-reka-berezina-kak-granica-mezhdu/>). Дата обращения: 30 июня 2017 г.
- Герасимова 2012 – Герасимова В. К истории иудео-христианских отношений в России в первой половине XVIII века // *Россия XXI*. 2012. № 1. С. 160–179.
- Герасимова 2013 – Герасимова В. Крещенные евреи в России XVIII в.: особенности социокультурной адаптации: дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.
- Гессен 1910 – Гессен Ю. Жительство и передвижение евреев по русскому законодательству // *Еврейская энциклопедия*. Т. 7. СПб., 1910. С. 590–597.
- Гессен 1993 [1925] – Гессен Ю. История еврейского народа в России. Л., 1925. Т. 1 – репринтное воспроизведение издания 1925 г. М.; Иерусалим, 1993.
- Долбилов 2010 – Долбилов М. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
- Долбилов, Миллер 2007 – Западные окраины Российской империи / под ред. М. Долбилова, А. Миллера. М., 2007.
- Дубнов 1934 – Дубнов С. Книга жизни. Т. 1. Рига, 1934.
- Дякин 1978 – Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978.
- Зельцер 2003 – Зельцер А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки. М., 2003.
- Калик 2010 – Калик Ю. Еврейское присутствие в России в XVI–XVIII вв. // *История еврейского народа в России: от древности до раннего Но-*

- вого времени / Под ред. А. Кулика. М.; Иерусалим, 2010. С. 321–341.
- Клиер 2000 – *Клиер Дж.* Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. М.; Иерусалим, 2000.
- Клинчин 1917 – *Клинчин П.* Еврейское население России по данным переписи 1897 г. и по новейшим источникам. Петроград, 1917.
- Леванда 1874 – *Леванда В.* Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения Царя Алексея Михайловича до настоящего времени, 1649–1873 гг. СПб, 1874.
- Левитин 2010 – *Левитин М.* Евреи Смоленщины: документальные очерки (1812–1917). Смоленск, 2010.
- Лызлова 2004 – *Лызлова Т.* Реализация национальной политики Советской власти в отношении еврейского населения. 1917–1938 гг. (На материалах Смоленской области): дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2004.
- Максименко 2010 – *Максименко В.* Исторический интерьер Черикова и его окрестностей. Красноярск, 2010.
- Маркон 1910 – *Маркон И.Ю.* Дело о сожжении отставного морского флота капитан-поручика Александра Возницына за отпадение в еврейскую веру и Бороха Лейбова за совращение его (1738 г.) // Пережитое, приложение к тт. 1–4. СПб, 1909–1913.
- Мацузато 2004 – *Мацузато К.* Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И. Герасимова и др. Казань, 2004. С. 427–459.
- Миллер 2008 – *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. М., 2008.
- Натанс 2007 – *Натанс Б.* За чертой: Евреи встречаются с позднеимперской Россией. М., 2007.
- Рывкин 1910 – *Рывкин Х.Д.* Евреи в Смоленске: Очерк по истории еврейских поселений в Смоленске с древнейших времен в связи с общественным положением евреев в древней Руси. СПб, 1910.
- Свентицкий 1964 – *Свентицкий Е.И.* Мой город (Воспоминания о Черикове): 1896–1958 гг., машинопись. М., 1964.
- Смоленская область // Википедия. [2017–2017]. Дата обновления: 01.10.2017. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=88002923>. Дата обращения: 28 ноября 2017 г.
- Тёрнер 2009 – *Тёрнер Ф.* Фронтир в американской истории. М., 2009.
- Тройницкий 1904 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года: Смоленская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904.
- Шенк 2001 – *Шенк Ф.Б.* Ментальные карты: Конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней. Обзор литературы // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 42–61.
- Шенк 2016 – *Шенк Ф.Б.* Поезд в современность: Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М., 2016.
- Я.И. [Яков Израельсон] 1914 – *Я.И. [Яков Израельсон]*. Борьба правительства с хасидизмом (1834–1853 г.) // Еврейская старина. 1914. Т. 7. № 1. С. 90–102.
- Altshuler 1993 – Distribution of the Jewish Population of the USSR, 1939 / Ed. M. Altshuler. Jerusalem, 1993.
- Ascher 2001 – *Ascher A.* P.A. Stolypin: The Search for Stability in Late Imperial Russia. Stanford, 2001.
- Beider 2012 – *Beider A.* Eastern Yiddish Toponyms of German Origin // Leket: Yiddish Studies Today / Eds. M. Aptroot et al. Düsseldorf, 2012. P. 437–466.
- Ben-David 1892 – *Ben-David.* Maasim be-kol yom: Vilna (Дела ежедневные: Вильна [иврит]) // Ha-melitz, 27.12.1892.
- Cesarani, Romain 2006 – Jews and Port Cities, 1590–1990: Commerce, Community and Cosmopolitanism / Ed. D. Cesarani, G. Romain. London, 2006.
- Chmielewski 1970 – *Chmielewski E.* The Polish Question in the Russian State Duma. Knoxville, 1970.
- Dubin 1999 – *Dubin L.* The Port Jews of Habsburg Trieste: Absolutist Politics and Enlightenment Culture. Stanford, 1999.
- Dubnov 1925 – Pinkas ha-medina o pinkas vaad ha-kehilot ha-roshiyot be-medinat lita (Пинкас главных общин Литвы [иврит]) / Ed. S. Dubnov. Berlin, 1925.
- Fainsod 1959 – *Fainsod M.* Smolensk under Soviet Rule. London, 1959.

- Fishman 1995 – *Fishman D.* Russia's First Modern Jews: The Jews of Shklov. New York, 1995.
- Gruber – *Gruber I.* Jewish History in Patriarchal Muscovy: Toward an Understanding of Old and New Jerusalem // *The Moscow Patriarchate (1589-1721)* / Eds. K. Kain and W. von Scheliha (forthcoming).
- Halpern 1968 – *Halpern I.* Reshito shel vaad medinat lita ve-yahasav el vaad arba aratzot (Создание Ваада Литвы и его отношения с Ваадом Четырех Земель [иврит]) // *Halpern I. Yehudim ve-yahadut be-mizrah-europhah: mehkarim be-toldoteihem.* Jerusalem, 1968. P. 48–54.
- Łatyszzonek 2006 – *Łatyszzonek O.* Od rusinów białych do białorusinów: U źródeł białoruskiej idei narodowej. Białystok, 2006.
- Le Foll 2008 – *Le Foll C.* The 'Belorussianisation' of the Jewish Population during the Interwar Period: Discourses and Achievements in Political and Cultural Spheres // *East European Jewish Affairs.* 2008. Vol. 38. P. 65–88.
- LeDonne 2001 – *LeDonne J.* Russian Governors General, 1775–1825: Territorial or Functional Administration? // *Cahiers Du Monde Russe.* 2001. Vol. 42, № 1. P. 5–30.
- LeDonne 1997 – *LeDonne J.* The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment. Oxford; New York, 1997.
- Levin, Staliūnas 2016 – *Levin V., Staliūnas D.* Lite on the Jewish Mental Maps // *Spatial Concepts of Lithuania in the Long Nineteenth Century* / Ed. D. Staliūnas. Boston, 2016. P. 312–370.
- Lissitzky-Küppers 1980 – *Lissitzky-Küppers S.* El Lissitzky: Maler, Architekt, Typograf, Fotograf, Errinerungen, Briefe Schirften. Dresden, 1980.
- Lurie 2006 – *Lurie I.* Edah u-medinah: hasidut habad ba-imperiyah ha-rusit, 1828–1883 (Община и государство: Хабад в Российской империи, 1828–1883 [иврит]). Jerusalem, 2006.
- Lurie 2009 – *Lurie I.* Liubavich u-milhamoteha: hasidut habad ba-maavak al dmuta shel ha-hevrah ha-yehudit be-rusiyah ha-tzarit (Любавич и его войны: Хабад в борьбе за еврейское общество в царской России [иврит]). PhD thesis, Hebrew University of Jerusalem, 2009.
- Martin 2001 – *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001.
- Monaco 2009 – *Monaco C.S.* Port Jews or a People of the Diaspora? A Critique of the Port Jew Concept // *Jewish Social Studies.* 2009. Vol. 15. P. 137–166.
- Pipes 1975 – *Pipes R.* Catherine II and the Jews // *Soviet Jewish Affairs.* 1975. Vol. 5, № 2. P. 3–20.
- Rapoport-Albert, Sagiv 2016 – *Rapoport-Albert A., Sagiv G.* Habad ke-neged hasidut 'polin': le-toldotav shel dimui (Хабад и хасиды «Польша»: к истории образа [иврит]) // *Habad: historiayah, hagut ve-dimui (Хабад: история, философия и образ [иврит])* / Ed. Y. Meir and G. Sagiv. Jerusalem, 2016. P. 223–265.
- Shlapentokh 1999 – *Shlapentokh D.* Reassessment of the Relationship: Polish History and the Polish Question in the Imperial Duma // *East European Quarterly.* 1999. Vol. 33, № 1. P. 120–131.
- Slezkine 1994 – *Slezkine Yu.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review.* 1994. Vol. 53, № 2. P. 414–452.
- Sloin 2017 – *Sloin A.* The Jewish Revolution in Belorussia: Economy, Race, and Bolshevik Power. Bloomington; Indianapolis, 2017.
- Sorkin 1999 – *Sorkin D.* The Port Jew: Notes Toward a Social Type // *Journal of Jewish Studies.* 1999. Vol. 50. P. 87–97.
- Staliūnas 2007 – *Staliūnas D.* Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam, 2007.
- Thaden 1984 – *Thaden E.* Russia's Western Borderlands, 1710–1870. Princeton, 1984.
- Vakar 1956 – *Vakar N.* Belorussia: The Making of a Nation. Cambridge, Mass., 1956.
- Valdman 2017 – *Valdman A.* Jewish Acculturation in Late Nineteenth-century Russia: The Case of Yonah Berkhin // *East European Jewish Affairs.* 2017. Vol. 47. P. 28–44.
- Valdman 2016 – *Valdman A.* Likrat inteligentsiyah yehudit-rusit: talmidei tikhon u-studentim yehudim ba-imperiyah ha-rusit shel shilhei ha-meah ha-19 (Русско-еврейская интеллигенция: еврейские ученики старшей школы в Российской империи конца XIX века [иврит]). PhD thesis, Ben Gurion University of the Negev, 2016.
- Weeks 1996 – *Weeks T.* Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb, 1996.
- Yerusalimsky 2003 – *Yerusalimsky M.N.* Be'er moshe (Колодец Моше [иврит]). Jerusalem, 2003. Vol. 1, Klil tiferet, part 1, No. 31.